

ПО БОКОВОЙ ДОРОЖКЕ

Пустовато в зале на спектакле «Сонет Петрарки»... Театральные работники склонны относить это на тот счет, что не всем понятно заглавные песни, не все знают, что такое сонет и кто такой Петрарка. Может быть, отчасти и так. Но вот заглавие другой пьесы, тоже идущей сейчас на сцене Крымского драматического театра: «Страница жизни». Заглавие, казалось бы, яснее ясного, а зрителей все равно мало.

Значит, не в заглавии причина того, что не очень охотно смотрятся эти спектакли. Да разве только эти? Ведь английская драма А. Кроуна «Юпитер смеется», которой открывался сезон, прошла и как в воду канула. Канула, не затронув сердец.

Если не знаешь, нетрудно высчитать, что сонет — это старинная стихотворная форма, а Франческо Петрарка — итальянский поэт XIV века. Он безнадежно влюбился в красавицу Лауру и любовь свою воспел в знаменитых сонетах, как за полвека до него в сонетах, не менее знаменитых, воспевал свою платоническую страсть к флорентинке Беатриче великий Данте, автор «Божественной комедии».

«Суровый Дант не презирал сонета, В нем жар любви Петрарка изливал», —

писал Пушкин... Обо всем этом легко прочесть в любом справочнике. Однако почему же так называл свою новую пьесу Николай Погодин, в чем замысел его «Сонета Петрарки»? Тут разобраться трудно.

В творчестве Погодина, автора «Позмы о топоре», «Моего друга», «Аристократов», «Человека с ружь-

НА ТЕАТРАЛЬНЫЕ ТЕМЫ

ем», «Кремлевских курантов», эта пьеса о любви, о страстностях любви, как хотите, — неожиданность... Впрочем, посмотрим, что в ней происходит.

Начальник большой сибирской стройки Дмитрий Алексеевич Суходолов признается своему старому другу, скрипачу Армандо, что он «не по возрасту, не по положению», безотчетно, по-мальчишески влюбился в молоденькую библиотекаршу Майю.

— Эх, ты, Яша, друг ты мой, — говорит он скрипачу, — что бывает в нашей жизни? Сажу я как-то на строительстве в тайге, в палатке на берегу этой самой великой реки... Сажу, планирую разбег на лето... Работа адская — уметь предвидеть, предусмотреть... с головой уходящий. И в это время появляется в моей палатке... даже не знаю, как тебе передать... является то самое чудное мгновение или видение, которое должно быть в жизни каждого человека. Я изумился... Слышу, как перед лицом неизвестной мне девушки что-то захватило мое сердце и оно заколотилось...

Так в жизнь начальника стройки вошла любовь. Не та любовь, какую прозвали интрижкой, шашинкой. Суходолов даже не видит с Майей, он лишь пишет ей лирические письма, называет ее своей песней и не ждет ответа. Это — «то, что люди называют поэзией их жизни», праздником души.

Скрипач выслушал исповедь дру-

га, многозначительно произнес: «Значит, ты, Суходолов, еще человек», продекламировал пыльную строфу из Петрарки, уверил друга, что тот — «сам Петрарка, который по-рыцарски обожал донью Лауру», а потом... Потом пошел к жене Суходолова, глупой и вздорной бабе, и спяная ей все выболтал.

Тем временем подруга Майи, «принципиальная» Клара, выкрала у Майи суходоловские письма, сняла с них копии и анонимкой отправила их суухарю Дононову. Заварилось дело о «серьезных аморальных поступках» начальника стройки.

Так в жизни еще случается. Нет, а какой-нибудь «осторожный человек», вроде Дононова, возьмет чистое и светлое чувство и на всякий случай занесет его в предосудительную графу... Замысел автора как будто ясен. А между тем пьеса полна загадок. Вот тот же Дононов. Его характер, его дальнейшая карьера вполне определены: Дононов из партокома переводят на строительный участок, там он больше к месту. Но автор хочет доскональнее объяснить характер Дононова, а заодно с ним и характер Ксении Петровны, жены Суходолова. И объясняет их так: Ксения Петровна много раз говорит о себе, что она, мол, «шмыревская», деревенская. — Вы что? Из одной деревни? — Язвительно спрашивает Суходолов у Дононова.

— А ты кицишься своим пролетарским происхождением, — отвечает ему тот.

— Кичусь. Лаптем щи не хлебал. Понимай так, что именно отсюда, от деревни, от лаптей малопочтенные качества и Дононова и Ксении

Петровны. А насколько это глубоко, насколько верно, особенно если учесть, что речь-то идет о нашей, советской деревне? Вполне определен и характер перекати-поле Армандо, тянувшегося к водке. Но он, оказывается, пьет не просто, а со значением, и тайну друга он выболтал не спяна. «Виновато нечто лежащее вне нас», — загадочно изрекает он. Пойди разреши эту загадку! Не сумел разрешить ее в спектакле и артист В. Злокович. Он старательно разыгрывает сцену пьяного раскаяния скрипача, «рвет страсть в ключья», но от этого фигура Армандо не становится яснее.

Из всех загадок пьесы, пожалуй, самая замысловатая — образ ее главного персонажа. Кто он, Суходолов? Рыцарь без страха и упрека, герой лирических сонетов? Или дряхлеющий Ромео, которому захотелось погреться у юного огонька? Ведь чем дальше развешивается действие, тем сильнее становится впечатление, что не все ладно, не все красиво в суходоловской любви, хотя и говорит он красивые слова. Разве это та любовь, о которой Маяковский писал, что она «пограничнее онегинской любви»? Разве скажет Суходолов слова, сколько-нибудь похожие на те, какие говорят влюбленный у поэта:

Любить — это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачней,
блестя топором,
рубить дрова,
силой
рубить дрова,
Любить — это с простынь,
бессонницей рваных,
срываться,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Ивановны,
считая
своим
соперником.

Нет, совсем другие слова произносятся в «Сонете Петрарки». Вот отрывок из сцены встречи Суходолова и Майи:

Суходолов. Непременно уничтожить письма.

Майя. Как, зачем?

Суходолов. Просто, в печке, на огне. И тогда ничего не будет.

Майя. А что может быть?

Суходолов. Мало ли что...

Майя. Эти письма — чистая поэзия...

Суходолов. Мне не положена поэзия... Не понимаете?

Майя. Тогда вы не пишете.

Суходолов. ...Вы хоть спрячьте их подальше.

А вот конец задумчивого монолога Суходолова: «Только бы жена не впуталась... Тогда пойдут концерты».

Вот слова лирической сцены прощания, прощания едва ли не навсегда. Говорит влюбленный Суходолов: «Я вас возвысил, одухотворил, и мне это приятно, греет, очень дорого, останется до конца моей жизни. Так? Понимаете. А если бы было другое, совершенно обыкновенное, то первый ваш поклонник убил бы мою любовь...»

Не Коперник, а первый поклонник, «муж Марьи Ивановны»... В этой тираде есть все: и то, что он, Суходолов, ее, Майю, возвысил, одухотворил, и то, что ему, Суходолову, это приятно, греет... Недостает только самой любви. Нет, не так уж красива суходоловская страсть, не такой уж он «неисправимый романтик», как декларируется в пьесе.

Нельзя сказать, чтобы «туманности» авторского замысла сколько-нибудь прояснились в спектакле. Скорее наоборот. В нем явно неудачно, непродуманно распределены роли. Не надо быть режиссером А. Клименко, а надо быть просто зрителем, чтобы догадаться, что роль Суходолова совсем не в стиле, не в манере артиста А. Степанова. Насколько выразителен он в «Человеке в отставке», изображая зловещую фигуру Медного, настолько неестественен, ходулен, напыщен он в Су-

ходолове. Не его эта роль. В том же спектакле, в «Человеке в отставке» (он еще не сошел со сцены), С. Морозов рисует обаятельный образ партийного работника Крымова, в «Сонете Петрарки» артист играет роль Дононова — партийного работника диаметрально противоположного склада. Роль эту Морозов ведет верно, но насколько это творчески необходимо, чтобы артист, почти не гримировавшись, сегодня появлялся перед зрителями в образе Крымова, а завтра в образе Дононова? Ведь, кроме расписания ролей, существует еще художественный такт... Драматический артист — не трансформатор. Даже Аркадий Райкин, и то меняется на глазах в одном, сатирическом плане. Почти ничего не добавляет к своей бесконечной галерее «ответственных жен» артистка И. Браун, она привычно ведет роль Ксении Петровны. Давно отброшена законченная система актерских амплуа, когда один всю жизнь играл, предположим, «благородных отцов», а другой — «героев-любовников». Надо ли выдерживать в этой тесной системе интересную, характерную артистку И. Браун?

То, что не все благополучно с распределением ролей в театре, заметно и по другим спектаклям. Вот свежий факт. В «Странице жизни» режиссер В. Тимошин поручил сам себе роль школьника Димы. Когда появляется грузная фигура Димы в лыжном детском костюмчике, по залу пробегает смех. А ведь, строго говоря, роль Димы совсем не комическая...

Неблагополучно в театре и с репертуаром, с выбором пьес. «Сонет Петрарки» — гому наглядный пример. Чем руководствовался режиссер, выбирая из множества современных пьес, это далеко не лучшую, «боксовую» драму Погодина? Конечно, по разумению театральных кассиров, эта пьеса, в которой описывается необыкновенная, «красивая любовь», должна бы иметь шумный успех. Но расчеты кассиров не оправдались.

По всей видимости, совсем другое нужно зрителям. Да и не расчеты кассиров должны определять репертуар театра. Кроме «Вечного источника» да прошлогодних постановок «Кремлевских курантов» и «Преступления и наказания» (кстати, в них отчетливо видно, что успех постановки решают актер, продуманное распределение ролей), зрители давно не смотрели больших, серьезных спектаклей. Утеряна хорошая традиция открывать каждый новый сезон горьковской пьесой (ведь театр носит имя А. М. Горького). Пьес Горького не было на сцене уже несколько лет, не было Грибоедова, Гоголя, Толстого, Чехова, не было, по сути дела, и Островского. Недавняя «Дикарка» вряд ли может приниматься за достижение в театре, где еще в первые послевоенные годы шли «Гроза», «Доходное место», «Волки и овцы». Забыты Шекспир, Мольер. Не берется театр и за украинскую классику. Не крымские, а сибирские театры ставят «Любовь Яровую», пьесу, рожденную событиями гражданской войны в Крыму. Вне поля зрения театра драматургия Маяковского, Микитенко, Афиногенова... Ничего не слышно в этом сезоне и о пьесах местных авторов, в которых бы поднимались вопросы, особенно близкие крымским зрителям.

Постепенно складывается такое впечатление, что из современного советского и зарубежного репертуара театром слишком часто извлекаются вещи полегче, пьесы второстепенные, вроде бледной «Страницы жизни» В. Розова или легковесного «Шестого этажа» А. Жери, или совершенно неорганичного для творчества Н. Погодина, туманного «Сонета Петрарки». Когда смотришь эти спектакли, невольно думаешь, что в театре бояться трудных задач, нелегких, но творчески плодотворных поисков, бояться щедрого богатства репертуара, больших, жизненно насущных тем и выбирают боковые дорожки. Чего ж удивляться, если в зале бывает и пустовато...

В. ВИХРОВ.